

ЛИЧНАЯ ЖИЗНЬ

Экран и сцена — 1991 — 5 дек (№ 49) — с. 16.

Ушел и остался...

Так назывался вечер памяти Аркадия Райкина, посвященный 80-летию со дня рождения, прошедший 30 ноября в Центральном Доме кинематографистов.

всего попасть на этот вечер оказалось Константину Райкину. На пресс-конференции Екатерина Райкина объявила, что Константин Аркадьевича не будет, потому что у него давно были назначены гастроли в Ярославль, которые и так дважды отменяли, в третий раз отменять — неудобно перед людьми. «Папа меня бы понял», — сказал брат сестре, и сестра с ним согласилась.

Но Константин Райкин все же пришел, своим выступлением доказав, что без него вечер многое бы потерял.

— Папа был счастливым человеком. Счастливым не только потому, что он был великий артист. Не только потому, что он был порядочным человеком, никогда не подличал, добиваясь чего-то. Он имел счастье чистой совести. Но еще потому, что он был человеком, которому судьба подарила очень хорошую семью. Так я думаю. У него была замечательная жена, талантливый человек — актриса, писательница, вернейший его друг, жертвенно преданная ему и обожаемая нами с сестрой мама. Я думаю, может, несколько нескромно, что щедрая судьба подарила ему хороших детей. Потому что моя сестра — это лучшая дочка в мире. Я никогда не видел такой жертвенности по отношению к своим родителям.

Мы редко собирались вместе, потому что артистам разных театров трудно собраться. Но случались счастливые моменты, когда мы бывали вместе. Наша семья существовала под знаком взаимной любви друг к другу. Родители были чрезвычайно деликатны по отношению к нам с Катей. Ни одно глобальное решение в жизни, будь то выбор профессии, театр или личная жизнь, мы не приняли под их давлением. Так нам казалось. Только потом я понимал, что чаще всего мы поступали так, как хотелось им. Это было великое родительское искусство

— так деликатно, так талантливо подталкивать детей к верному решению.

Из человеческих качеств самым ярким в нем была скромность. Он был человек более слушающий, внимающий и наблюдающий, нежели говорящий. Он часто разочаровывал людей, которые хотели в нем видеть продолжение того, кем он был на сцене. Этого блеска, этого темперамента, юмора не было. Он ненавидел всякий центропулизм, вообще всякую скандальность в жизни, привлечение к себе внимания. Считал это пошлостью. Вообще очень не любил говорить о своей славе. Однажды он увлеченно рассказывал про какого-то очень талантливого артиста, это было в моем детстве, и я его перебил: «Папа, а кто знаменитее, он или ты?» Он сразу помрачнел, сказал изменившимся голосом: «Никогда не задавай мне этот глупый вопрос!» Так я с детства понял, что вообще судить о человеке по громкости его фамилии не всегда справедливо. И вообще говорить с человеком о его же славе не нужно.

Еще хочу отметить одно из его качеств. Он был абсолютный интернационалист. Нас с сестрой в этом духе воспитал — не разбирать национальности, а если разбирать, то не по крови, а по языку, на котором человек с детства говорит, по культуре, в которой он воспитан, по вероисповеданию.

Я не верю в зов крови. Я это проверил на себе. Мы работали в Израиле. Это замечательная страна. Прекрасные люди. Они простирали мне объятия и говорили — это твоя страна, твоя кровь, твой братья. Очень приятная страна. Чужая. Мои родные и близкие подобраны не по национальности, не по кровному признаку, а по признаку родства душ. Это единственный достойный человека признак. Мои любимые писатели — Достоев-

ский, Гоголь и Толстой, а не Шолом Алейхем. Он замечательный писатель, я его очень люблю, но это далеко не самый мой любимый писатель. Так получилось, что эти три первых гораздо выше для меня. Они меня определяют, а не кто-то другой. Я абсолютно русский человек. До тех пор, конечно, пока меня не назвали «жидовской мордой». Вот тут я могу съездить. И не в Израиль, а по харе. И буду прав. Мой отец — это неотъемлемая часть русской культуры. Кто по-другому думает, тот — сволочь. (Последнюю фразу Константин Райкин смягчил шкодной гримасой).

Он был счастливым человеком. И тем не менее меня не покидает ощущение горечи, когда я его вижу на экране, когда вспоминаю о нем. И не потому только, что он ушел и его с нами нет. А еще и потому, что он был театральным артистом. А театральным артист — это трагическая профессия. Он живет в настоящем времени и не имеет будущего. Артиста любят как никого другого. Выходящего на сцену — как никого другого. За «сейчас» любят. Он выходит, его узнали, ему платят десять секунд аплодисментами за его прошлое, за то, что его знают. Дальше он должен предьявить. Если не предьявляет — его не любят. Если предьявил, ему — безумные овации, шквальные. Шквал — это возмещение судьбы. Некоторое. Плата за скоротечность этого успеха. Артист стареет, уходит, умирают спектакли. И не остается ничего, кроме воспоминаний. Но воспоминания эфемерны. Пленки, записи — это тень. Театр не живет на пленке. Я своей дочке никогда не сумею толком объяснить, что такое был ее дед. Что такое было это безумие, этот восторг, это обожание, которое вызывало у меня его выступление на сцене. Я буду ей рассказывать, я буду пытаться что-то малоталантливо ей показывать, какие-то кусочки. Не поймет! Не почувствует того, черт возьми!

Ирина МОРСУНОВА.